

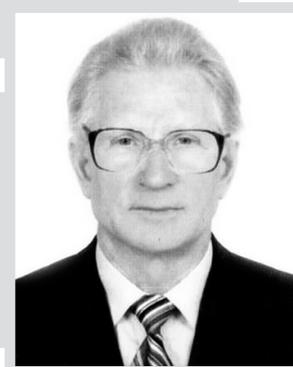
УДК 327.56, 341.01

Советско-итальянские отношения накануне Великой Отечественной войны. 1940 – июнь 1941 гг. (по страницам документов)

Ахметкаримов Б.Г.

Доктор философии (PhD), доцент кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского (Приволжского) федерального университета

Гришин Я.Я.

Доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского (Приволжского) федерального университета

В 1933 г. между СССР и Италией подписывается договор о дружбе, ненападении и нейтралитете. Был заключен на неопределенный срок. В нем содержалось взаимное обязательство сторон не прибегать к войне против другой стороны, уважать неприкосновенность территорий. В случае нападения на одну из сторон третьих государств, другая сторона обязывалась соблюдать нейтралитет в течение всего конфликта и т.д.

Однако этот договор был нарушен, ибо Италия присоединилась 6 ноября 1937 г. к Антикоминтерновскому пакту. Советское правительство 8 ноября 1937 г. заявило в связи с этим протест. Не способствовало улучшению отношений Италии с СССР и подписание Римом т.н. Тройственного пакта (сентябрь 1940 г.) – военного союза трех держав, стремившихся к завоеванию новых территорий и установлению своего господства в мире.

По словам Муссолини, этот блок был создан для того, чтобы переделать карту мира.

Несмотря на участие Италии в вышеуказанных пактах, СССР стремился наладить хорошие отношения с ней, особенно в 1940 – июне 1941 гг. Этому и посвящена данная статья. Особое внимание уделено деятельности руководства НКВД в вышеозначенном направлении.

Ключевые слова: история, международные отношения, Гельфанд, Молотов, Росо, Муссолини, Чиано, Горелкин.

Советско-итальянские отношения в конце 1939 г. – начале 1940 г. были неудовлетворительными. Как сообщил в телеграмме в Народный Комиссариат Иностранных Дел (НКВД) СССР временный поверенный в Королевстве Италия Л.Б. Гельфанд, даже политический директор итальянского МИД Бути, которого он видел, выражал частным образом сожаление по поводу неадекватности Италии в советском вопросе [1, с. 11].

В разговоре Бути упоминал о каком-то заявлении А. Росо – посла Италии в Москве, мотивирующего его отъезд из СССР. Об этом сообщала и итальянская газета «Мессажеро». А.Б. Гельфанд просил Центр проинформировать его о демарше А. Росо. Это было сделано 5 января 1940 г. Из сообщения НКВД вытекало, что итальянский посол написал в письме, «что по распоряжению своего правительства выезжает в Рим. Никакого другого заявления

он не делал. По-видимому, посол не рассчитывает вернуться, так как увозит и свои вещи» [2, с. 766].

В связи с этим советский полпред в Италии Н.В. Горелкин был отозван из Рима телеграммой, направленной ему В.М. Молотовым 9 декабря 1939 г. В ней, в частности, говорилось: «Ввиду занятой итальянским правительством враждебной линии в отношении Советского Союза, что особенно сказывается в финляндском вопросе, мы считаем необходимым немедленно вызвать Вас в Москву до вручения Вами верительных грамот королю» [3].

Л.Б. Гельфанд решил проявить инициативу, предложив НКВД провести встречу с министром иностранных дел Италии Г. Чиано. Ответ получил 5 января от первого заместителя наркома иностранных дел В.П. Потемкина, который писал, что несвоевременно и нецелесообразно объясняться с Г. Чиано «с обзывающими заявлениями с нашей стороны об учете Советским Союзом итальянских интересов на Балканах и в Венгрии. Нам незачем делать авансы Италии, тем более что, по Вашим собственным сообщениям в телеграммах № 14, 15 и 16, само итальянское правительство начинает понимать, что для него невыгодно дальнейшее обострение отношений с Советским Союзом» [1, с. 23].

Через определенное время Л.Б. Гельфанд шлет телеграмму в НКВД, в которой сообщает о встрече с германским послом в Риме Х. Макензенем на обеде в советском посольстве. Он по собственной инициативе сообщил о визите И. Риббентропа, министра иностранных дел Третьего рейха 10-11 марта в Рим и его встрече с Муссолини [1, с. 140]. В беседе они коснулись итало-советских отношений. Дуче, «отметив традиционно нормальный характер отношений Италии с СССР в прошлом, заявил о своей готовности вернуться к такого рода отношениям».

По окончании визита в Рим Риббентроп поручил германскому послу в Москве проинформировать В.М. Молотова, что Муссолини стремится улучшить итало-советские отношения и уже дал указание положительно урегулировать возникшие в них экономические проблемы [1, с. 786].

Более того, И. Риббентроп пригласил к себе 14 марта советского полпреда в Берлине А.А. Шкварцева и попросил сообщить в Москву ход его визита в Италию и о тех проблемах, которые там затрагивались, в том числе италяно-советские отношения. Мы, отметил германский министр, «долго говорили с Дуче по русскому вопросу. Дуче сказал, что он сам также желал бы улучшения советско-итальянских отношений. Он понимал при этом, что в области морских вооружений между Италией и СССР существовали тесные взаимоотношения. Сейчас Муссолини дал распоряжение рассмотреть положительные запросы СССР по этой линии» [1, с. 147].

И. Риббентроп, заключая, сказал, что ему не ясно, почему ухудшились отношения СССР с Ита-

лией и попросил А.А. Шкварцева дать справку по этому вопросу. Полпред ответил, что справку дать не может, но знает, «что советско-итальянские отношения ухудшились тогда, когда в Италии происходила антисоветская демонстрация и антисоветская кампания в печати» [4].

17 марта В.М. Молотов провел беседу с Ф. Шуленбургом, который, запросив у Берлина информацию о поездке И. Риббентропа в Рим, получил подробный ответ. По просьбе германского посла его советник Хильгер зачитал обширный материал. В частности, в пункте 6 говорилось: «Г-н фон Риббентроп выразил сожаление о том, что отношения между СССР и Италией за последнее время развивались не совсем благоприятно. Этот факт достоин тем большего сожаления, что Муссолини еще до заключения соглашения между Германией и СССР указывал на желательность улучшения германо-советских отношений. По мнению г-на фон Риббентропа, между СССР и Италией не существует противоречивых интересов, которые могли бы препятствовать установлению хороших взаимоотношений. Муссолини заявил, что он также желает улучшения советско-итальянских отношений и что, соответственно своей принципиальной установки, он дал указания, чтобы вопросы, касающиеся экономических взаимоотношений между СССР и Италией, были рассмотрены в возможно положительном смысле. Все, что было сказано г-ном Муссолини на тему о советско-итальянских отношениях, не оставляет сомнения в том, что Италия со своей стороны стремится к улучшению отношений с Советским Союзом» [1, с. 154].

После прочтения текста и ухода Хильгера собеседники продолжали разговор. В.М. Молотов обратил внимание на то, что «инициатором ухудшения советско-итальянских отношений был не СССР, а Италия, так как началось с того, что едва успел полпред СССР приехать в Рим, как там начался «кошачий концерт», не говоря уже об антисоветском тоне итальянской печати. С тех пор не произошло никаких существенных изменений, и высказывания Муссолини ничем не подкреплены» [1, с. 155].

Тем временем Л.Б. Гельфанд встретился в Риме с Г. Чиано, о чем сообщает в Москву телеграммой. Из нее вытекало, что, рассказывая о пребывании в Италии Риббентропа, Г. Чиано отметил, «что германский министр является “сторонником улучшения итало-советских отношений”, в восторге от СССР и пленен товарищем Сталиным, о котором долго рассказывал на интимном ужине у Чиано. Однако через минуту министр высмеивал сообщение французского радио о плане какого-то итало-советского сотрудничества и о предстоящей итало-германо-советской конференции в Вене. Из всей последней тирады министра, пишет Л.Б. Гельфанд, как из его отдельных замечаний, вытекало, что Италия явно не предполагает радикально менять своей линии в отношении СССР.

Поскольку, как следовало из слов Чиано, Рим будет пытаться продолжать экономическое сотрудничество с Парижем и Лондоном и сохранять свою политику в отношении Испании, Ватикана и Балканских стран, спекуляции Италии на антибольшевизме в какой-то форме сохраняются. Поэтому и сейчас, правда в резко сниженном количестве, продолжается публикация антисоветских заметок» [1, с. 787].

Ф. Шуленбург, выполняя поручение И. Риббентропа, был на приеме у В.М. Молотова и дал информацию о встрече Гитлера с Муссолини в Бреннере. Два диктатора коснулись в ее ходе и вопроса о взаимоотношениях СССР и Италии [1, с. 184-185].

Л.Б. Гельфанд вновь встречается с Г. Чиано. Между ними состоялась продолжительная беседа. Они не касались советско-итальянских отношений за исключением выдачи виз для корреспондента ТАСС. Министр обещал заняться этим вопросом и дать надежду на положительный ответ [1, с. 242].

Об этой встрече Л.Б. Гельфанд сообщил в НКВД. В.М. Молотов, ознакомившись с информацией, шлет ему в ответ телеграмму следующего содержания. «Получил Вашу последнюю телеграмму о беседе с Чиано. Добываемые Вами сведения, конечно, очень ценны для нас. Однако должен Вам сказать, что не следовало бы слишком близко связываться с Чиано. Мы расцениваем Чиано как отрицательный фактор в отношениях между СССР и Италией. Если бы не Чиано и его окружение, отношения СССР с Италией были бы лучшими. События последних месяцев показали, что Чиано является непримиримым врагом Советского Союза. Сообщаю это для Вашего сведения» [1, с. 245].

5 мая Ф. Шуленбург, по заданию И. Риббентропа, посетил В.М. Молотова и очередной раз поставил вопрос о советско-итальянских отношениях. С точки зрения германского министра, первым шагом для их улучшения явился бы взаимный обмен послами между обеими державами. Новыми элементами, способствующими улучшению взаимоотношений Советского Союза с Италией, является то, что итальянская пресса в течение последних месяцев прекратила свою антисоветскую кампанию и конкретные заявления со стороны Чиано и Муссолини об их желании улучшить эти взаимоотношения.

Изложив все вышесказанное, Ф. Шуленбург спросил, может ли он передать своему министру, что СССР не против посылки посла в Рим при условии, что Италия одновременно пошлет своего посла в Москву.

Нарком ответил, «что он в предыдущий раз, когда поднимался этот вопрос, уже высказывал в общих чертах свое мнение. Никаких изменений в оценке, данной им в прошлый раз, нет. И кратко изложил снова содержание своего высказывания:

1) Со стороны СССР не имели место никакие враждебные шаги по отношению к Италии.

2) Со стороны Италии нет никаких признаков улучшения отношений с СССР.

Поэтому никакой реакции со стороны Советского правительства нет и не может быть, так как нет никаких новых данных к этому. Италия не отзывала своего посла из Советского Союза, он уехал в «отпуск». Когда же Советский Союз послал в Италию своего посла, то, во-первых, его очень долго не принимали, а во-вторых, когда он приехал, то ему устроили кошачий концерт. В силу сложившихся обстоятельств Советский Союз также вынужден был предоставить своему послу отпуск. Для того, чтобы предпринять какие-либо конкретные шаги в деле улучшения советско-итальянских отношений, необходимо, чтобы со стороны Италии был какой-либо повод. Со стороны Германии ясно выражено стремление к улучшению взаимоотношений между СССР и Италией, но его не видно со стороны Италии» [1, с. 249].

В.М. Молотов, заканчивая встречу, прямо поставил вопрос: может ли он сообщить советскому руководству, что итальянское правительство через Риббентропа выразило пожелание урегулировать отношения с СССР путем взаимного обмена послами и предпринять дальнейшие шаги к всеобщему улучшению отношений.

Шуленбург на это ответил утвердительно.

В конце мая месяца состоялась очередная встреча В.М. Молотов – Ф. Шуленбург. Последний сообщил, что им получена телеграмма от И. Риббентропа о том, что Дуче выражал желание «незамедлительно возобновить нормальные взаимоотношения с СССР и одновременно обменяться взаимно послами». В телеграмме Риббентропа говорится о том, что желательно было бы выпустить коммюнике по этому поводу, если это не встретит возражений со стороны тов. Молотова. Возможно, что такое коммюнике не является необходимым, так как возвращение Горелкина и Россо к исполнению своих обязанностей само по себе произведет достаточное впечатление. Возобновление нормальных отношений с Италией ни в коем случае не повредит Советскому Союзу. Лично Шуленбург убежден в том, что Италия виновата в создавшемся положении. Это он изложил в своем меморандуме, который был доведен до сведения Муссолини. Но Муссолини теперь является первым, протянувшим руку, и не следует отвергать эту руку. Вопрос идет, понятно, не о пакте о мире, заключаемом с Италией, а о простой нормализации отношений. Со стороны Италии нет никакого обмана, а просто существует колоссальное недоразумение. Возможно, что поводом к создавшимся взаимоотношениям было прекращение поставок нефти Советским Союзом в Италию, а Италия вообразила, что она обижена Советским Союзом. На сегодняшний день враждебная кампания против Советского Союза Италией прекращена, а шаг к улучшению взаимоотношений делается через Риббентропа.

15 лет подряд между СССР и Италией существовали хорошие отношения. Несчастный случай теперь ликвидируется. Итальянцы по природе – народ очень темпераментный. В Германии не устраивали кошачьих концертов французам и бельгийцам» [1, с. 297].

Нарком ответил, что у Советского правительства идущие предложения о улучшении отношений с Италией не встретили никакого положительного отношения, ибо она «вела себя во время финского конфликта хуже, чем Франция». Лично он не видит изменений, Рим не предпринимает никаких шагов. Наоборот страна ощущает со всех сторон его враждебное отношение, советскому послу устраивали кошачьи концерты и т.д. «Советский Союз – отметил В.М. Молотов, – не Албания, чтобы с ним так можно было разговаривать. Это – не несчастный случай, а злая воля со стороны Италии» [1, с. 297-298].

Советской стороне было не безразлично то, что сегодня Рим проявляет враждебное отношение, а завтра дружественное.

О разговоре с Ф. Шуленбургом В.М. Молотов обещал доложить Советскому правительству.

В конечном итоге две стороны договорились об обмене послами. А. Россо появился на приеме у В.М. Молотова 13 июня и заявил, «что вернулся в Москву, чтобы положить конец не слишком нормальным отношениям между СССР и Италией. Он был в Риме только проездом и не смог переговорить с министром иностранных дел. Однако он получил общую инструкцию работать над нормализацией отношений между обеими странами» [1, с. 341-342].

Нарком приветствует посла с приездом, «который совпадает с приездом в Рим полпреда СССР Н.В. Горелкина. Отношения между СССР и Италией могут и должны идти по пути нормализации и улучшения».

Полпред в Италии, прибыв в Рим, сообщил в НКВД, что в ходе беседы Л.Б. Гельфанда с Анфузо услышал заявление последнего: Муссолини весьма удовлетворен словами В.М. Молотова, сказанными им в разговоре с А. Россо. Итальянский посол получил поручение увидеться с В.М. Молотовым и сделать заявление, что правительство Италии «стремится к максимальному улучшению и углублению политических и экономических отношений с СССР» [1, с. 354-355].

Два дня спустя А. Россо вновь был принят наркомом и зачитал ему по поручению правительства и лично Муссолини заявление об основах итальянской внешней политики.

«Между СССР и Италией с 1993 года существует Пакт о дружбе, ненападении и нейтралитете. Этот пакт никогда не был денонсирован и остается в действии».

В данном месте А. Россо делает свое личное замечание. События прошлого бросали тень на этот

пакт и мешали его полному применению. Но не следует рыться в прошлом. Итальянское правительство интересуется настоящим и будущее.

Высказав замечание, он продолжил излагать заявление «Пакт о дружбе и ненападении мог бы, при наличии доброй воли с обеих сторон, быть подтвержденным не только в отношении своей буквы, но и в отношении своего духа, и мог бы сделаться действенным орудием. Со стороны Италии нет отсутствия доброй воли и Итальянское правительство согласно пойти на оживление итало-советского пакта. Муссолини полагает, что необходимой предпосылкой для этого является взаимное выяснение политических позиций, касающихся обеих сторон. Муссолини предлагает выяснить искренне советско-итальянские позиции и установить, что итальянские и советские интересы не противоречат друг другу, не могут быть согласованы с интересами третьих стран» [1, с. 355].

В.М. Молотов, выслушав заявление, обещал подумать и дать ответ через определенное время.

Действительно, через пять дней он делает А. Россо от имени Советского правительства заявление и передает текст последнего. Посол, выслушав наркома, отметил, что сказанное им представляет большой интерес и имеет большое значение. Оно четко и ясно объясняет позицию СССР по отношению к главным проблемам, интересующим обе страны. В зачитанном документе заключается база для советско-итальянского сотрудничества.

Заканчивая беседу, нарком сказал, что он будет ожидать ответ итальянского правительства [1, с. 372-373].

На следующий день советский полпред в Риме был вызван к Г. Чиано, который сделал заявление, касающееся решения бессарабского вопроса. В нем он, в частности, сказал: «Отдавая себе целиком отчет в законной заинтересованности СССР в решении бессарабского вопроса, итальянское правительство спрашивает, не сохранилась ли еще возможность урегулировать его мирным путем. В положительном случае Италия готова посоветовать Румынии принять советские предложения по этому вопросу». Добавив, что «настоящий демарш Италии носит дружеский характер» [1, с. 378].

Полпред заверил, что передаст заявление руководителя итальянского МИДа в Москву.

В.М. Молотов, получив информацию, шлет Н.В. Горелкину телеграмму, в которой просит передать Г. Чиано следующее: «Учитывая заинтересованность Италии и Германии в мирном разрешении вопроса о немедленной передаче Советскому Союзу Бессарабии и северной части Буковины и считая, что это также в интересах СССР, Советское правительство согласно с предложением Чиано о том, чтобы Итальянское правительство посоветовало Румынии принять советские предложения по этому вопросу».

Для Вашей ориентировки сообщаю, что 26 июня мною заявлено румынскому посланнику Давидеску, что Советское правительство ожидает получить ответ Румынии об удовлетворении его пожеланий о Бессарабии и северной части Буковины в течение 27 июля» [1, с. 384].

28 июня Г. Чиано пригласил Н.В. Горелкина и сообщил, что после получения советского ответа на итальянское обращение руководство Италии «предложило посланнику в Бухаресте Гиджи Пеллегрини немедленно обратиться к королю и премьеру и посоветовать принять советские требования» [1, с. 802].

При этом министр в разговоре с румынами указал, что Бухарест не может рассчитывать на помощь Берлина и Рима. В случае отказа Румыния будет разгромлена. Румынский посланник, выслушав Г. Чиано, ответил, что немедленно передаст мнение министра своему правительству и поддержал его.

В заключение министр отметил, что по просьбе Италии румыны примут наши требования.

Тем временем А. Россо и Н.В. Горелкин начали исполнять свои обязанности. 5 июля Г. Чиано шлет первому телеграмму и дает указание: «В беседах следует не заходить далеко, избегайте углубленного обсуждения пунктов, выдвинутых советской стороной». Чиано сообщил также о своей беседе с полпредом СССР в Италии Н.В. Горелкиным: «Состоялся обмен мнениями по упомянутым вопросам, но “без уточнений”, выяснены позиции, создана благоприятная атмосфера для дальнейшего развития отношений и торговли» [1, с. 801].

Через неделю Г. Чиано отправляет очередное послание своему послу в Москве. В нем говорится, что сенатор А. Джанини встретился с Н.В. Горелкиным. Они говорили «о возможности восстановления торговых обменов, парализованных в течение некоторого времени, и о базе возможного заключения новых соглашений». Указания В.М. Молотова, направленные полпреду СССР в Риме 18 июля 1940 г., были исполнены Н.В. Горелкиным в беседе с А. Джанини 22 июля; итальянская сторона при этом проявила заинтересованность в детализации идеи «новой базы для соглашения» [1, с. 807].

Заинтересованность отношениями с СССР проявил Муссолини, приняв 24 июля советского полпреда. Во время встречи Дуче отметил, что его страна была одной из первых установившей дипотношения с СССР, и они развивались в сторону тесного сотрудничества, нашедшего свое выражение в Договоре 1933 г. Но в последние годы отношения двух стран ухудшились. В данный момент, с его точки зрения, нет никаких препятствий для их улучшения.

Коснулся он и вопросов Бессарабии и Прибалтики, считая, что Советскому Союзу возвратилось то, что ему принадлежало раньше. И его правительство считает это вполне справедливым.

В конце аудиенции он еще раз выразил уверенность в том, что назначение Н.В. Горелкина будет способствовать развитию отношений между Советским Союзом и Италией. Со стороны Италии, заявил Муссолини, будет сделано все возможное для дальнейшего укрепления и улучшения отношений между обеими странами [1, с. 453-454].

Беседа полпреда с сенатором Джанини имела свое продолжение. А.И. Микоян, нарком внешней торговли, принял А. Россо и заявил, что получил информацию из советского посольства в Риме по поводу запроса сенатора. В нем он от имени итальянского правительства запрашивал – желает ли Советское правительство начать торговые переговоры между двумя странами, если да, то на какой основе. Нарком сказал, что дипломатам было поручено сообщить, «что Советское правительство согласно начать торговые переговоры с Италией. Г-ну Джанини было сообщено, что Советское правительство за переговоры на новой базе и за то, чтобы переговоры велись в Москве.

Г-н Джанини дал согласие на ведение переговоров в Москве и просил выяснить, что понимает Советское правительство под новой базой для торговых переговоров. Причем г-н Джанини добавил, что в зависимости от того, какова будет эта новая база переговоров, будет решен вопрос, послать ли специальную делегацию в Москву или поручить переговоры г-ну Россо» [1, с. 455-456].

Далее А.И. Микоян отметил, что, по его мнению, торговля между СССР и Италией могла бы развиваться хорошо при условии, если будет ясность в политических отношениях между СССР и Италией. При этом он выразил опасение, что отсутствие полной договоренности по политическим вопросам будет мешать ходу торговых переговоров и развитию экономических отношений между обеими странами.

А. Россо, поблагодарив наркома, сообщил, что он в курсе изложенного им по поводу торговых переговоров, знает о встрече Г. Чиано с Н.В. Горелкиным.

А.И. Микоян спросил, что хочет Италия закупать в СССР. Посол ответил, что точно знает, что итальянская сторона будет просить о возобновлении поставок нефти [1, с. 456].

В сентябре 1940 г. появляется интересная информация о том, что Италия повторно интересовалась мнением Германии относительно итало-советских отношений.

10 сентября 1940 г. Г. Чиано по поручению Б. Муссолини поставил этот вопрос перед послом Германии в Риме Г. Макензенем. Чиано сказал Макензену, что Италия оставила без ответа меморандум В.М. Молотова от 25 июня 1940 г. и это, по сообщению посла Италии в Москве, вызвало охлаждение, более того, определенную напряженность в отношениях с СССР. Муссолини тем не менее хотел бы продолжить политический диалог

с Москвой и направить туда экономическую делегацию, но ему известно негативное отношение Берлина к дальнейшему политическому диалогу с русскими, и он просит рассмотреть этот вопрос еще раз, поскольку серьезно опасается, что «в условиях продолжения войны связи с СССР со странами “оси” ослабеют и в один прекрасный день Москва вовсе уплывет от нас». 19 сентября 1940 г. И. Риббентроп, будучи с визитом в Риме, вновь заявил итальянцам о нецелесообразности углубления итало-советского диалога [1, с. 812].

Данная информация является наглядным свидетельством изменения настроения Германии к Советскому Союзу.

Отметим, что в Италии в 20-е гг. было создано общество для торговли с СССР – Сачир [1, с. 814]. Между этим обществом и советским полпредством в Италии в 1934-1940 гг. проходил затянувшийся судебный процесс. 15 октября Н.В. Горелкин сообщил, что Джанинни пригласил к себе Кулаженкова – первого секретаря полпредства в Италии и заявил ему, «что, несмотря на то, что прошло уже 8 месяцев с момента обсуждения в Мининделе дела фирмы “Сачир” и решения о любовном разрешении вопроса, наше торгпредство не дало никакого ответа. Речь идет о том, чтобы заплатить 1,5 млн итальянских лир. Это уклонение от мирной ликвидации конфликта заставляет ставить вопрос о наложении секвестра на имущество торгпредства. Поэтому Джанинни просит, со своей стороны, ускорить решение этого вопроса в самое ближайшее время. Кулаженков ответил, что о сделанном Джанинни заявлении доложит полпреду. Вызвал Потапова, который сообщил о том, что может ответить Джанинни, что все спорные вопросы по прошлым делам могут быть рассмотрены во время экономических переговоров» [1, с. 670-671].

16 ноября Н.В. Горелкин вновь был у сенатора, который опять вел разговор о неуплате задолженности советской стороной, а также о намечаемых переговорах, на которые итальянцы составили экономическую делегацию. Но Джанини нужны были конкретные даты о новой базе на которой Советское правительство согласилось ввести переговоры. Со своей стороны он сообщил свои условия [4, с. 91].

В связи с заявлением Джанини о ведении торговых переговоров В.М. Молотов телеграфирует Н.В. Горелкину, чтобы он встретился с сенатором и сообщил ему, «что советское правительство готово принять в Москве итальянскую делегацию по торговым переговорам» [4, с. 200].

Спустя две недели Чиано пригласил Н.В. Горелкина и сообщил ему, что он доложил Муссолини о посылке итальянской торговой делегации в СССР и Муссолини, – заявил министр, – желает установить более тесные взаимоотношения между

Италией и Советским Союзом как в области экономической, так и в области политической. Я думаю, – сказал далее Чиано, – что между нашими странами нет никаких спорных вопросов. Границы наши не соприкасаются, а внутренние вопросы не могут быть каким-либо препятствием. Далее Чиано указал, что заключенный в 1933 г. Договор о дружбе, ненападении и нейтралитете между Советским Союзом и Италией остался в силе и сейчас, поскольку ни с одной стороны не было заявлено о его денонсировании. Желательно было бы этот договор пересмотреть и возобновить в духе современной обстановки, в духе новых интересов». Чиано указал еще раз на то, что Муссолини выражает желание установить более тесный контакт между странами; спорных или каких-либо других вопросов, мешающих хорошим взаимоотношениям, у нас нет. «Мы готовы, – продолжает Чиано, – признать ваши новые границы, ваши права на Черном море, Азии, ваши интересы на Балканах. Это – наши предложения, которые мы выставляем, – заявил Чиано, – какие Вы выдвигаете вопросы, там будет видно. Наши интересы, – говорит далее Чиано, – это права в Средиземном море. Лично я, заявил Чиано, человек партийный и государственный, желаю дела прорабатывать с коммунистическим государством, нежели с демократическим, где каждый тянет туда, куда ему хочется. Я предпочитаю иметь дело с коммунистическим государством в вопросах международных. Это, конечно, мое персональное мнение». Далее Чиано указал на то, что нужно, конечно, тщательно изучить и подготовить материал. «Переговоры, – сказал он, – по вышеуказанному вопросу могут быть проведены в Москве между В.М. Молотовым и послом Россо или же здесь в Риме между Вами и мной» [4, с. 297].

28 декабря Н.В. Горелкин посетил Г. Чиано «и сообщил ему, что Советское правительство относится положительно к предложению итальянского правительства начать переговоры по установлению более тесных взаимоотношений между Италией и СССР как в области политической, так и в области экономической и что Советское правительство предлагает вести переговоры по этому вопросу в Москве.

Чиано сказал, что он весьма доволен тем, что Советское правительство приняло предложение итальянского правительства о переговорах по установлению более тесного сотрудничества между СССР и Италией как в области политической, так и в области экономической, и добавил, что он даст указание итальянскому послу в Москве, чтобы он немедленно вступил в контакт с В.М. Молотовым по вышеуказанному вопросу...».

«Провожая меня, пишет полпред, Чиано был весьма любезен и, прощаясь, просил передать от его имени привет В.М. Молотову и поблагодарить за столь быстрый ответ на его предложение» [4, с. 252].

Спустя несколько дней В.М. Молотов принял А. Россо. Посол просил уточнить вопросы, поднятые в заявлении наркома от 25 июня (Румыния, Бессарабия, Болгария, дунайская проблема, Турция, проливы, Балканы, признание новых советских границ) [4, с. 263-266].

После Нового года, в конце января 1941 г. А. Россо очередной раз посетил наркома и сообщил, что получил ответ итальянского правительства на поставленные им вопросы 30 декабря, которые он изложил на встрече. Ответы были развернутыми и более менее понятными [4, с. 363-367].

Через определенное время А. Россо вновь был в НКВД. Но на этот раз он принимается замнаркомом С.А. Лозовским. В ходе разговора итальянский посол сказал, – пишет замнарком, – «что по поручению своего правительства он предлагает на рассмотрение Советского правительства составленные в Риме проекты торговых соглашений между Италией и СССР. Сославшись на переговоры, которые велись в Риме и были прерваны, а также на свою беседу с т. Молотовым, Россо вручил мне тексты следующих проектов (на итальянском языке):

1. Протокола о распространении действующих итало-советских договоров и соглашений на итало-албанский Таможенный союз;

2. Торгового соглашения;

3. Протокола о платежах;

4. Протокола о применении контингентов;

5. Протокола о транзите;

6. Протокола о таможенной конвенции;

7. Заключительного протокола.

При этом Россо добавил, что схемы новых соглашений в своих общих чертах повторяют структуру торговых соглашений, подписанных между Италией и СССР в Риме 7 февраля 1939 г. Проекты новых соглашений имеют три основных отличия от старых соглашений. Итальянское правительство предлагает:

1. Включить в соглашение новые пункты, касающиеся транзита товаров;

2. Предусмотреть финансовые и прочие вопросы, возникшие в связи с включением в СССР балтийских республик и других территорий;

3. Включить в новый протокол список контингентов для итальянского экспорта в СССР (в старом протоколе 1939 г. были предусмотрены лишь контингенты для советского экспорта в Италию).

Это нововведение, отметил посол, оказалось необходимым в связи с недавно принятым в Италии законом об экспортных ограничениях. Если советское правительство найдет, что основная линия этих соглашений может быть принята как полезная база для переговоров, мы пришлем в Москву торговую делегацию. Если же в результате изучения наших проектов Вы будете иметь какие-либо предложения или существенные изменения, можно будет их предварительно обсудить. Лично он всегда в распоряже-

нии НКВД и в распоряжении г-на Микояна, с которым он готов обсудить всю сумму вопросов.

Я ответил Россо, что поручу перевести на русский язык врученные проекты и перешлю их Наркомвнешторгу Микояну. Если окажется, что проекты нуждаются в существенных изменениях и в предварительном обсуждении, то НКВД уведомит об этом посла» [2, с. 487].

Очередная встреча С.А. Лозовского с А. Россо прошла в конце апреля, по просьбе последнего [2, с. 609-610]. Итальянский посол интересовался, как отнеслось Советское правительство к предложению о заключении торгового соглашения между СССР и Италией, проект которого он передал. Рим интересовало согласна ли Москва в принципе, чтобы начались торговые переговоры. Считает ли она возможным взять итальянский проект за основу. Можно ли послать в Советский Союз для переговоров итальянскую торговую делегацию.

С.А. Лозовский ответил, что полученный проект торгового соглашения отправлен в Наркомат внешней торговли А.И. Микояну.

А. Россо сообщил для сведения, что в итальянской столице происходили переговоры между торговцами СССР и экономическим департаментом по техническим вопросам, касающимся обмена товарами между СССР и Италией. Посол коснулся также вопроса о недвижимой собственности итальянского правительства в Ленинграде и Тбилиси. В Ленинграде имелся дом, купленный в 1807 г. у Демидова. До революции там было итальянское посольство. В Тбилиси в доме находилось консульство Италии. Эти дома пустовали безнадзорно несколько лет. Итальянское посольство вело переговоры об этих домах в НКВД с Потемкиным, Денакозовым, Вышинским об обмене двух домов на один в Москве. Ленинградский совет готов купить или арендовать дом. А. Россо предлагал довести до конца обмен ленинградского и тбилисского домов на один дом, занимаемый итальянским посольством в Москве.

А.Я. Вышинский обещал, по словам А. Россо, оказать содействие в этом вопросе. Но С.А. Лозовский обратил внимание на то, что вопрос связан с рядом юридических формальностей и разрешить его может только Совнарком СССР. Он также напомнил итальянскому послу, что в Италии также имеется собственность, принадлежащая Советскому правительству, завещанная Академии наук или Академии художеств. Но вопрос с итальянским судом решен в ущерб интересам советского государства.

Речь шла о вилле Абамелек, принадлежащей российскому подданному князю Абамелек-Лазареву. 10 мая 1913 г. он завещал ее российской Академии художеств для проживания командированных в Италию художников, а в случае отказа императорской Академии наук для создания исторического инсти-

туда им. Абамелека-Лазарева. При отказе от них Академии наук вилла подлежала продаже, а вырученные деньги предусматривалось направить на оказание медпомощи в Тульскую губернию.

До Второй мировой войны это завещание неоднократно разбиралось в римских судах различных инстанций. И только Декретом от 27 февраля 1947 г. главы итальянского государства вилла была передана в собственность Советского государства. По решению Совета Министров СССР от 22 мая 1954 г. она поступила в пользование посольства СССР в Италии [2, с. 829-830].

* * *

В конечном итоге накануне Великой Отечественной войны не удалось наладить нормальных дружеских отношений с Италией ни политических, ни экономических, хотя внешне была видимость их улучшения, особенно после подписания мирного договора СССР с Финляндией, принятия после длительного перерыва Г. Чиано временного поверенного в делах СССР в Риме Л.Б. Гельфанда, поручения Муссолини своему министру иностранных дел осуществить «сближение с Россией», возвращения итальянского посла в Москву, а советского в Рим и т.д.

Но этого было недостаточно, чтобы отношения двух стран поднялись на более высокий уровень. Тем более, СССР к этому стремился. Даже А. Росо после встречи с В.М. Молотовым сообщил в Рим, что у него сложилось четкое впечатление – нарком склонен активизировать политические отношения с Римом, добавим и экономические. Переговоры шли с перерывами, так и не завершившись.

Более того, 14 июня 1941 г. МИД Италии согласился с предложением своего посла в Москве о целесообразности отправить на родину жен и детей сотрудников посольства [2, с. 832].

До нападения фашистской Германии со своими союзниками, в том числе и Италии на СССР оставалось 8 дней.

22 июня 1941 г. фашистская Италия совершает нападение на СССР совместно с гитлеровской Германией, направив на восточный фронт экспедиционный корпус, а затем армию.

Литература:

1. Документы внешней политики. Т. XXIII. В 2 кн. (3-х ч.). Кн. 1. 1 января – 31 октября 1940 г. – М.: Международные отношения, 1995. – 752 с.
2. Документы внешней политики. Т. XXIII. В 2 кн. (3-х ч.). Кн. 2. Ч. 2. 2 марта 1941 – 22 июня 1941 г. – М.: Международные отношения, 1998. – 448 с.
3. Документы внешней политики 1939 год. Т. XXII. В 2 кн. Кн. 2. 1 сентября – 31 декабря 1939 г. – М.: Международные отношения, 1992. – 688 с.
4. Документы внешней политики. Т. XXIII. В 2 кн. (3-х ч.). Кн. 2. Ч. 1. 1 ноября 1940 – 1 марта 1941 гг. – М.: Международные отношения, 1998 – 448 с.

Soviet-Italian Relations on the Eve of the Great Patriotic War. 1940 – Jun 1941 (by Document Pages)

Akhmetkarimova B.G., Grishin Ya. Ya.
Kazan (Volga Region) Federal University

In 1933, the USSR and Italy signed a Treaty of friendship, non-aggression and neutrality. It was concluded for an indefinite period. It contained a mutual obligation of the parties not to resort to war against the other side, and to respect the inviolability of territories. In the event of an attack on one of the parties of a third state, the other party was bound to remain neutral throughout the conflict, etc.

However, this agreement was violated, because Italy joined the anti-Comintern Pact on November 6, 1937. The Soviet government protested this on November 8, 1937. The signing by Rome of the so – called Triple Pact (September 1940), a military Alliance of three powers that sought to conquer new territories and establish their dominance in the world, did not help to improve relations between Italy and the USSR.

According to Mussolini, this block was created in order to remake the map of the world.

Despite the participation of Italy in the above-mentioned pacts, the USSR sought to establish good relations with it, especially in 1940 – June 1941. This article is dedicated to this. Special attention is paid to the activities of the NCID management in the above-mentioned direction.

Key words: history, international relations, Gelfand, Molotov, Rosso, Mussolini, Ciano, Gorelkin.